

Соловьев приравнял культ победобесия в

Дмитрий Некрасов

Владимир Соловьев

На одном из эфиров у Соловьева у нас произошла довольно интересная дискуссия. Я высказал мысль о религиозном характере отношения ко Второй мировой и культу победобесия в нашей стране (то есть, России — прим. ред.).

К моему удивлению, Соловьев охотно согласился с тезисом о том, что память о войне является в России светской религией. Американцы, сказал он, вполне себе религиозно отмечают День благодарения, а когда религиозные евреи отмечают Пурим или Песах, приуроченные к конкретным историческим событиям, никому в голову не придет уличать их веру в каком-то несоответствии исторической науке. Чем россияне хуже израильтяны? Им можно придумывать религиозные праздники по историческим поводам, а нам нельзя? Вот мы придумали себе свой религиозный праздник — День Победы и его отмечаем, как велит наша религия.

Эта мысль довольно интересна, но...

Откровенное признание религиозного характера культа победы его носителями могло бы меня с ними в значительной степени примирить. Если вера в подвиг панфиловцев — это нечто вроде веры в непорочное зачатие, а парад — это такой крестный ход, то ОК. Веруйте во что хотите, хоть в макаронного монстра.

Однако желательно, чтобы верующие в культ победы были терпимы к другим светским религиям, а общественное сопротивление патриотическому воспитанию в школах было не меньше, чем сопротивление изучению в них закона божьего.

При этом, между ролью иудаизма в Израиле и культом победы в РФ есть отличия. В Израиле все-таки нет законодательных санкций за оправдание действий Навуходоносора или проведение исторических параллелей между режимами царя Соломона и Рамзеса II. Израиль по дипломатическим каналам не требует установки памятника Моисею в Египте и не возмущается, если в египетских школьных учебниках по истории Моисей не упомянут. Израильских палеонтологов или геологов никто не заставляет строить свою работу, основываясь на бесспорности тезиса о том, что земля возникла 6000 лет назад, что сложно сказать о российских историках.

Владимир Путин на «Марше бессмертных». Фото: Kremlin.ru

И, наконец, роль иудаизма в Израиле не соответствует моим представлениям об идеально устроенном обществе. Будь я гражданином Израиля, то выступал бы за призыв ультраортодоксов в армию и отмену запрета на торговлю в шабат. Веротерпимость веротерпимостью, но она не должна создавать неравенство прав. Это — по сути тезиса «почему русские не могут сделать свой религиозный праздник из Дня Победы».

Однако в дискуссии с Соловьевым есть и другой интересный момент. Последнее время российская пропаганда (или «идеологи лоялизма») все чаще стала называть вещи своими именами и вместо: «Вы все врете, мы не такие», отвечать: «Да, мы такие, и тем гордимся». На другом эфире, когда в ответ на мою реплику о том, что страна движется в средневековье, Константин Малофеев (православный общественный деятель, заместитель главы Всемирного русского народного собора, основатель телеканала Царьград ТВ) прямо ответил: «Тогда да здравствует средневековье!»

Раньше цели построения демократии или достижения западных стандартов потребления не отрицались: либералы говорили, что путинская внешняя политика откровенно противоречит достижению указанных целей, а лоялисты

утверждали, что подобная политика достижению этих целей способствует.

Теперь сами цели ставятся под сомнение. Все чаще звучит тезис об особом пути, несовместимости нашего пути с демократией, о том, что в западных стандартах потребления нет ничего хорошего, да и не стоят те стандарты неизбежно связанного с ними разгула гомосексуализма и поправа памяти «воевавших дедов».

Не знаю, что лучше: откровенное вранье, или любование собственной отсталостью.

Дмитрий Некрасов, экономист, российский оппозиционный политик